

УМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ*

Среди фразеологических единиц, описывающих интеллектуальное состояние человека, в текстах памятников, отражающих обиходный русский язык XVI–XVII вв., особенно частотны устойчивые сочетания, деловые формулы и поговорки с компонентами *ум* и *разум*.

Анализ семантики и функционирования этих единиц позволяет выделить основные концептуальные признаки, актуализирующиеся в контекстах употребления.

Как отмечает М. Л. Ковшова, образы фразеологизмов с компонентами *ум*, *голова* восходят к одной из древнейших, мифологических, форм осознания мира — анимистической, олицетворяющей телесную часть, которая метонимически замещает самого человека. Образы фразеологизмов с этими компонентами также соотносятся с архетипическим противопоставлением «внешний — внутренний» (БФСРЯ, с. 436).

Ум (и его синоним *разум*) в наивной языковой картине мира этого времени (в ее фразеологическом преломлении) предстает, прежде всего, как нечто, в норме находящееся в голове человека, представляющее главное содержание, определяющее интеллектуальную деятельность и поведение человека: «Царствует умъ головою» (Сим. Посл., с. 154, XVII в.). Ср. фиксацию отклонения от нормативного положения вещей в поговорке: «Без уса борода без ума голова» (Сим. Посл., с. 79, XVII в.). Поэтому очень важно, совершил ли человек что-либо «в присутствии» или «отсутствии» ума. Неосознанность поведения, поступков оправдывается состоянием, при котором человек подвергается временной «потере» ума, становится невменяемым, что описывается такими единицами, как *без ума стать* и *вне ума*: «Егда же еще в ызбах жили и после того, он к попенко на исповедь. Как причастил ево, так мужик и взбесился да и *без ума стал*» (Авв. Ж., с. 262); «И онъ, Осипка, съ пытки сказалъ, что онъ твоего государева слова никакого за собою не вѣдаетъ, затѣялъ де *внѣ ума*» (Сид, с. 151, 1645 г.); «Те де слова он [Парфен] на них в Пушкарском приказе перед боярином... в роспросе и в Преображенском говорил, ис-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 07–04–00173а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.».

пужався, *вне ума* своего, убоясь пытки» (РД, т. 3, с. 394); «Сказаль что Левонтья он Офонка тѣмъ поклепал говорить про то *внѣ ума* и на себя и на людей в том дѣле говорит напрасно» (МДБП, с. 264, 1643 г.).

Аномальное состояние рассудка может быть вызвано болезнью или подавленным душевным состоянием и характеризуется фразеологическими единицами *забыться в уме*, (*быть*) *в забытье ума* и *в забвении ума* (Сид): «А будетъ въ сыску скажутъ короченские всякихъ чиновъ люди, что та женка *больна падучею болѣзнью* и говорить, *забывся въ умѣ*, и мнѣ бы ту женку за непригожия слова вѣлеть бить кнутомъ у приказныя избы при себѣ и при сторонних людяхъ, какъ ей отъ падучей болѣзни будетъ льготно, и отдать мужу ея» (с. 538, 1647 г.); «И тюремный сидѣлецъ Андрюшка Шелеговъ подалъ повинную челобитную, что онъ на пушкаря на Ваську Синцова говорилъ государево дѣло, поклепавъ его напрасно, *въ забытии ума*, въ *черной немочи*» (с. 184, 1647 г.); «И язъ да, Афонька, ...про г. б. ц.¹ про кн. А. М. и про кн. И. М. такое непригожее слово *въ забвении ума* своего... *съ кручины мольль*» (с. 484, 1636 г.).

Ум (разум) в языковом сознании имеет четкую локализацию, этим объясняется, что отклонение от нормы описывается фразеологизмами с глаголами движения и соответствующими отглагольными существительными: *сбрести с ума*, *отбыть ума*, *отступление ума*, *отход от разума*: «А оболгалъ я, х. т., тебѣ, г., будто *съ ума сбрель*» (Сид, с. 149, 1646 г.); «И надо мною, х. т., въ тѣхъ мѣstechъ учинилося посѣщение Божие, *отбыль ума* своего, и вопиль по улицамъ, сказываль за собою твое государево слово, не вѣдая ничего» (Сид, с. 151, 1646 г.); «И онъ, г., вракаль въ тюрьмѣ *во отступленьѣ ума* своего, что будто за нимъ есть твое государево слово» (Сид, с. 347, 1646 г.); «И того для часто ѣдена [цебуля, лук] дѣлаеть своею остростию... болѣние головы и *отход от разума*» (Наз., с. 510, XVI в.).

По данным СРФ-ИЭС, устойчивое словосочетание *сбродить с ума*, являющееся в современном русском языке устаревшим, было известно именно с XVII в. В письменных памятниках оно связывается с сообщениями о состоянии опьянения, реже — отравления мышьяком, сулемой (СРФ-ИЭС, с. 585). Ср. антонимичное по значению выражение, означающее возвращение в нормальное интеллектуальное состояние, — *прийти в разум*: «И послѣ, г., того на 3-й день милость Божия учинилась надо мною, х. т., *въ разумъ пришелъ* по прежнему, и я, х. т., твоего государева слова за собою никакого не вѣдаю» (Сид, с. 151–152, 1646 г.).

Как и в современном фразеологизме *сойти с ума*, ум в рассмотренных единицах «символизирует основу, на которой зиждется само существование человека, его нормальная жизнедеятельность» (БФСРЯ, с. 685).

Ср. оценку последствий наличия и отсутствия ума в поговорах (Сим. Посл., XVII в.): «Умомъ наживають а безумиємъ и старое теряютъ» (с. 146); «С разумомъ жить лишю тѣшитя» (с. 139); «Без ума торговат лишю днги терять» (с. 80).

Главными «нормативными» свойствами ума/разума являются его целостность и то, что он «свой».

Наличие целостности ума усугубляет вину человека при совершенном проступке: «А будетъ въ сыску всякие люди скажутъ, что на той женкѣ падучей болѣзни нѣтъ и съ ума не сбродитъ, и говорила она такая непригожия слова *въ цѣломъ умѣ*, и ты бѣ ее велѣлъ битъ кнудомъ безъ пощады» (Сид, с. 538, 1647 г.), и, наоборот, оправдываясь, человек ссылается на нарушение целостности разума: «А въ распросѣ, г., у записки тотъ стрѣлецъ передъ дьяки повинился: „Я де за тѣмъ нѣмчиномъ государева слова никакого не вѣдаю; а что де я государево слово сказалъ, и то де я и самъ не помню; а сказалъ де я то слово *не цѣлымъ разумомъ*: въ хмелю де ко мнѣ приступаеъ“» (Сид, с. 353, 1628 г.). Разрушение «нормальной» целостной организации ума характеризуется выражением *в уме порушиться*: «Въ прошломъ, государь, во 153 г. волею Божьею человекенко, г., мой Хрисанко Пахомовъ *въ умѣ порушился*, и учаль, г., животину битъ и сѣчь, и людей драть во иступлении ума своего» (Сид, с. 347, 1646 г.).

Отклонение от нормы фиксируется также такими выражениями, как *не в своем уме* и *не своим разумом*: «А говорилъ тотъ мужикъ, кабы *не въ своемъ умѣ*» (Сид, с. 325, 1632 г.); «И говорилъ твое государево слово на него, Василья, поклепавъ напрасно *не въ своемъ умѣ*, забывъ своего разума въ черной немощи» (Сид, с. 183, 1647 г.); «Поручны мы, сироты, были тое жѣ деревни Левкова по Васькѣ Фроловѣ, и онъ, Васка, померъ, а жена ево, Васки, зѣбрела *не своимъ разумомъ*, была на ней падучая» (ЧО, с. 79, 1673 г.). Противопоставление своего и чужого ума находим и в поговорах (Сим. Посл., XVII в.): «Свой умъ царь в головѣ» (с. 139); «Братъ мой а умъ у него свой» (с. 79); «Чюжимъ умомъ не долго жить» (с. 155).

Эти два отмеченные выше главные нормативные свойства ума зафиксированы в обязательной формуле духовных грамот: «Се яз... Данило... Григорьевъ... пишу сию духовную грамоту *своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ*, кому ми что дати и у кого ми что взяти» (АРГ, с. 261, 1525 г.); «Пишу сию память, отходя сего света, *своимъ умомъ и разумомъ*» (А. Солов. м., с. 7, 1572 г.); «Се аз, раб божий, Феодосей Тимофеев сын Бибииков, пишу сию духовную *своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ*» (АФЗХ, т. 2, с. 485, 1612 г.). Ср. позднейшую юридическую формулу: *в здоровом уме и твердой памяти*, — применявшуюся при составлении завещаний.

Из нормального интеллектуального состояния человек может выйти не по своей воле, подобная ситуация обозначается фразеологизмом *из (с) ума выводить* — ‘доводить до состояния, когда человек лишается способности обдумывать свои поступки и отвечать за них; становится глупым’: «А гдѣ люди лукавыи, и глупово слугу подпоятъ, и *из ума выводятъ*, и спрашиваютъ про государя и про государыню, и безумныи все говорить, что и невместимо казати, и лишнее прилыгаетъ» (Дм., с. 45, XVI в.); «Их роспрашивали и пыткую страшали и *с ума их выводили*, чтоб сказали» (Сл. Сибир., с. 25, 1608 г.).

Во фразеологических единицах рассматриваемого периода времени особо отмечается такая причина отклонения от нормативного интеллектуального состояния человека, как опьянение; например, в актах «Слова и дела государева» часто употребляется выражение *выпитъся из ума (вне ума)* (Сид): «А то слово, что на него сказываютъ Устинко Карповъ съ товарищи, онъ говорилъ-ли, и онъ того не помнитъ, былъ пьянъ, *выпился изъ ума* безпамятно» (с. 65, 1630 г.); «А говорилъ онъ то непригожее слово про г. пьянъ, *выпился изъ ума*» (с. 591, 1626 г.); «Въ нынешнемъ, г., во 145 г. сентября въ 27 д. грѣхомъ, г., я своимъ *внѣ ума выпился*, и сказалъ во пьянствѣ за собою твое государево слово, и не помню что» (с. 478, 1637 г.) и др. Ср. также контекстуальное окружение таких единиц, обозначающих аномальное интеллектуальное состояние, как *отбыть своего ума* и *в исступлении ума* (Сид): «А въ челобитной своей написалъ, что де онъ, Васька, *напився пьянъ, отбывъ и своего ума*, пришедъ къ нему, Мирону, такое воровское слово говорилъ, что указалъ г. по городамъ приказныхъ людей побивать каменьемъ» (с. 567, 1648 г.); «И сказалъ я, х. т., на того Федора твое государево слово *съ пьянства, во исступлении ума*» (с. 315–316, 1629 г.). В связи с вышесказанным для установления вины человека важно было определить, в трезвом состоянии он совершил преступление (сказал «слово государево») или нет (состояние опьянения служило смягчающим обстоятельством), что, видимо, способствовало возникновению фразеологизма, образованного по продуктивной для того времени модели: «делать что-либо + творительный падеж имени» — *пьяным (трезвым) умом (говорить)*: «Марта въ 31 д. ольшанские дѣти боярские... въ сѣзжей избѣ ставлены и допрашиваны по г. крестному цѣлованью: Сенька Маклаковъ, будучи на бесѣдѣ у Лунки Волокитина, *говорилъ* про праведнаго государя *пьянымъ* или *трезвымъ умомъ?*» (Сид, с. 559, 1649 г.). Ср. взаимоисключающее противопоставление хмеля (пьянства) и ума в паремиях (Сим. Посл., XVII в.): «Хто пьет до дна тот живеть без ума» (с. 151); «Не пей много вина не истяряешь ума» (с. 125); «Умъ

говорить пора идти з двора а хмѣль говорить дождемъся побой да вмѣстѣ домой» (с. 147).

Паремии XVII в. отмечают соположенность ума и молчания, умный человек не торопится словом (Сим. Посл., XVII в.): «Изба крѣпка запоромъ а двор забором а ум меж губъ» (с. 110); «Языкъ мой врагъ мой прежде ума моего рыщет» (с. 161).

В языковом сознании ум — это нечто, подвергающееся количественному измерению; см., например, в паремиях (Сим. Посл., XVII в.): «*За скудость ума* таскат будетъ сума» (с. 106); «*За скудость разума* полать лишаются» (с. 105); «Борода что ворота а ума с малой приколиток» (с. 79); «Данило с матавило а ума ни с шило» (с. 95); «Личико бѣленко да разума маленько» (с. 118).

В трех последних примерах явно прослеживается тенденция противопоставления в пословицах внешнего облика человека и его интеллектуальных способностей. См. также (Сим. Посл., XVII в.): «Встречаютъ гостя по платю а провожают по уму» (с. 87); «По платю встречаютъ а по уму провожаютъ» (с. 133). Образным основанием сравнения или противопоставления часто служит волосяной покров — на подбородке у мужчин или на голове у женщин, ср. (Сим. Посл., XVII в.): «Брадою чстенъ старъ а разумомъ хвален млад» (с. 78); «Борода что ворота а ума с малой приколиток» (с. 79); «У бабы волосы долги а умъ коротокъ» (с. 147).

В зеркале фразеологии ум предстает как объемное образование: *ум не вместит* — ‘о невозможности воспринять, постичь’: «А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же ум человекъ не вмести красоты его и доброты» (Авв. Ж., с. 61, 1675 г.). Ср. также *в ум не вместится кому*: «И они мнѣ то вьсе рассказывалѣ в умъ члвку не въместитца Бгъ благоволить да жив будеш самъ вьсе услышишь» (Новг. док., с. 361, 1655 г.).

У ума как некоего образования в наивной картине мира, зафиксированной во фразеологии, выделяется поверхность, что подтверждают фразеологические единицы с предлогом *на*: *на уме*, *братъ на ум*, *взбрести на ум*, *взойти на ум*, *вспасть на ум*. См., например, *на уме*: «Да Гсда ж Статы дали вѣдати графу Энну Эмьденскому что у него *на умѣ* с ними ли хочет стояти за один или съ их противники и о томъ бы имъ вѣдомо учинил» (В-К 1, с. 55, 1621 г.); «Семера *на умѣ* коли нѣтъ на гумнѣ» (Сим. Посл., с. 142, XVII в.); *братъ на ум* — ‘принимать к сведению’: «Глупой говорить а на глум а умной берет *на умѣ*» (Сим. Посл., с. 93, XVII в.).

Компоненты *взбрести*, *взойти*, *вспасть*, соотносимые с антропным, т. е. собственно человеческим, кодом культуры, усиливают олицетворен-

ность интеллектуальной деятельности человека, его взаимодействия с некоей духовной субстанцией, которое происходит самопроизвольно, неконтролируемо (БФСРЯ, с. 438). Проиллюстрируем употребление фразеологизмов с этими компонентами в нашем материале: *вспасть на ум кому* (о мысли, идее) — ‘прийти в голову’: «И тут князь Владимир задумался, играца у себя не обретае умеющего. И *вспала* ему [Владимеру] *на ум* про боярина Стовра Годиновича» (Былины, с. 204, сер. XVII в.); *взбрести на ум* — ‘случайно прийти в голову, вздуматься’: «И онъ, Степанка, слыша... непристойныя рѣчи, потому то слово и въ извѣтную челобитную и написалъ. А къ тому еще иныя воровския, непристойныя затѣйныя слова, что въ извѣтной челобитной написаны, прибавилъ собою, что ему *взбрело на умъ*, то и написалъ» (Сид, с. 100, 1636 г.); «Что *взбрело на ум*, то и творят» (Авв. П., с. 285, 1675 г.); *взойти на ум* — ‘прийти на память, вспомниться’: «А ты [Морозова] говоришь иную суторщину [‘взор’]: «*взойду* ль де я тебе [Аввакуму] *на ум*-то когда? Большо де ты меня забыл» (Авв. П., с. 212, 1673 г.).

По-видимому, предлоги *в* и *на* варьируются в зависимости от представления о «глубинности» помещения чего-либо в ум (разум), ср., например: *взять в (на) ум (разум)* — ‘воспринять, понять’: «Яз тебѣ рад указати и ростолковати прямо [русские слова], как своему родному сыну, а ты *возьми на ум*, не забуди, что яз тебѣ указываю» (Разг. Фенне, с. 197, 1607 г.); «Сказывал Матюшке Кутьину томской казак Якушко Осокин про тебя, государя-царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, неместимое слово, чего *в ум* нельзя *взять*, что тебе, государю... быть не долго на царстве» (Сл. Сибир., с. 19, 1608 г.); «Шоптал ему под носъ да не *возметъ в разумъ*» (Сим. Посл., с. 157, XVII в.).

Образ во фразеологизмах с предлогами создается пространственной метафорой, уподобляющей ум пространству, в котором располагаются мысли (БФСРЯ, с. 436).

Ум — это то, что невозможно приобрести извне (Сим. Посл., XVII в.): «Фома не купить ума» (с. 148); «Х коже ума не пришить гвоздемъ ево не прибить» (с. 148).

В пословицах подчеркиваются гендерные различия мужского и женского ума: «*Женские умы* что татарские сумы» (Сим. Посл., с. 103, XVII в.), при этом наличествует противопоставление ума и разума — эти существительные в данном случае уже не выступают как синонимичные, а вступают в отношения антонимии: «Мужа чтят за *разумъ* а жену по *уму*» (Сим. Посл., с. 122, XVII в.). При этом, как представляется, ум рассматривается как врожденное свойство, а разум определяет логику поведения, рассудительность.

Таким образом, во фразеологическом фрагменте языковой картины мира XVI–XVII вв. ум концептуализируется как некое образование, обладающее объемом, имеющее поверхность, локализующееся в голове человека, подвергающееся количественному измерению. Главные свойства ума, присущие ему в нормативном состоянии, — это целостность и то, что он «свой», т. е. индивидуальность.

Образы рассмотренных фразеологических единиц соотносятся с антропным кодом культуры (благодаря таким компонентам, как *вспасть, взойти, взбрести, сбрести, отбыть* и под.), основной компонент *ум (разум)* — с соматическим, телесным, а в сочетании с предлогами *в* и *на* — с пространственным кодом культуры.

Источники и словари

А. Солов. м. — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1990.

Авв. Ж. — [А в в а к у м.] Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. М., 1960.

Авв. П. — А в в а к у м. Письма // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. М., 1960.

АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.: В 3 т. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. М., 1951–1961.

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

Былины — Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. М.; Л., 1960.

В-К 1 — Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

Дм. — Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Наз. — Назиратель / Изд. подг. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

Новг. док. — Давидссон К. К. Новгородские документы из русских рукописей XVII в., хранящиеся в университетской библиотеке г. Упсалы (Швеция) // История русского языка: Исследования и тексты / Отв. ред. В. Г. Демьянов, В. Ф. Дубровина. М., 1982.

Разг. Фенне — Tonnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov, 1607. Vol. 2: Transliteration and Translation / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jacobson. Copenhagen, 1970.

РД — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов: В 4 т. М., 1954–1976.

Сид — Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14.

Сим. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 66. № 7.

Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

СРФ-ИЭС — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

ЧО — Арсеньев Ю. П. Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиною (1650–1684 гг.) // Чтения ОИДР. 1903. Кн. 2. Отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским.

Примечание

¹ Здесь и далее расшифровку использованных в цитатах сокращений см. в соответствующих источниках.

Л. М. Карамышева

ДЕЛОВЫЕ ФОРМУЛЫ СО СЛОВОМ *ЛОВЛЯ* В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XIV — НАЧАЛА XVII ВЕКА

Ранее нами уже рассматривалось слово *ловля* в различных значениях¹. Представляется интересным проследить функционирование лексемы *ловля* в памятниках деловой письменности в составе своеобразных штампов (формул), выражающих те или иные запреты, разрешения, условия пользования рыбными ловлями и т. д.

1. Слово *ловля* в значении ‘захват живьем рыб посредством особых приспособлений’.

При описании условий пользования рыболовным угодьем для разрешения на рыбную ловлю отмечено:

— *ловити всякою ловлею (всякими ловлями)* — в жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю: «*Ловити* неводом в Ростовском озере *всякою ловлею*» (АСЭИ, т. 1, с. 79, 1432–1445 гг.);

— *ловить, какими ловлями хотят* — в выписи из рыболовных книг озера Селигер: «*Ловити...* через весь год на собя, *какими ловлями похотят*» (АФЗХ, т. 2, с. 272, 1557 г.);

— *со всеми ловлями по старине*: «Да и реку Сороко (!) *со всеми ловли по старине*, и сетная, как ловили нюхчане» (А. Солов. м., с. 107, 1551 г.);